

Объединение государственной школы с Императорской академией и их переход под общее управление Государственной академией* не было совершенно неожиданным, просто школа существовала так долго, что никто не верил, что она действительно будет закрыта.

Государственная школа изначально была создана для детей и потомков столичных чиновников. В ней преподавали выдающиеся ученые, обладавшие глубокими познаниями, поэтому уровень преподавания был исключительным, и ученики получали огромную пользу от такого наставничества, ведь приобретенные знания помогут будущей карьере. Поскольку первые выпускники действительно получили хорошее образование, их карьерный путь оказался более гладким, чем у обычных детей знати и чиновников, а также их уважали при дворе. Поэтому многие стремились поступить туда, желая обеспечить себе блестящую карьеру.

Однако со временем ситуация перевернулась с ног на голову. Дети чиновников, поступающие в государственную школу, стали полагать, что сам факт поступления туда гарантировал им успешное продвижение в карьере. В сочетании с преимуществами, которые давало им происхождение из семьи чиновников, они уделяли мало внимания учебе, рассматривая посещение занятий как не более чем формальность, часто прогуливали занятия и игнорировали экзамены, а преподававшие там ученые закрывали на это глаза. Без определенных связей и власти поступить в государственную школу было невозможно, а будущие должности этих учеников все равно определялись должностями их отцов, так что учеба не имела большого значения.

Многие чиновники давно считали, что государственная школа утратила свой первоначальный смысл, став простой формальностью, где сыновья чиновников просто убивали время. А выдающиеся ученые чувствовали неуважение к себе и отказывались там преподавать. С момента восшествия на престол императора Цяньсина общее число учащихся сократилось до чуть более тридцати, что составляло меньше половины от прежнего числа.

Некоторое время назад император Цяньсин неожиданного посетил школу и обнаружил, что на занятиях присутствует менее пяти человек! Они либо спали, либо читали развлекательные книги, и никто не слушал уроки. Император пришел в ярость. Если бы не последующее заступничество чиновников, все ученики были бы исключены. Это повлекло бы за собой публичное зачитывание их проступков, а затем порку, - самое суровое дисциплинарное наказание в Императорской академии.

Хотя в итоге до этого не дошло, император Цяньсин приказал приостановить занятия на несколько дней для наведения порядка. Никто не ожидал, что когда государственная школа откроется снова, она будет объединена с Императорской академией, и правила в ней будут сильно изменены. Государственная школа давно подвергалась критике, но поскольку многие чиновники извлекали из нее выгоду, протест был слабым, и она просуществовала так много лет. Тот факт, что император Цяньсин произвел такие радикальные изменения всего за один месяц, стал для многих полной неожиданностью.

Многие пытались угадать истинные намерения императора. Они понимали, что он всегда недолюбливал государственную школу. Теперь, когда ее правила стали такими же строгими, как и в Императорской академии, как могли бы приспособиться избалованные сыновья знати? Если они нарушат правила, то будут отчислены, что навсегда лишит их возможности поступить

на государственную службу. Поэтому, когда государственная школа снова открылась, в ней осталось всего двенадцать учеников. Среди них было пять новых, включая Чжуан Чжуна и Лу Балана.

Чжуан Чжун стоял с другими учениками перед Плитой наставлений, слушая, как наставник слово в слово зачитывает правила школы. Все выглядели серьезными, почтительными и внимательными. Иначе и быть не могло, поскольку сам Сы Чжао-ван наблюдал за происходящим со стороны.

Чуть раньше один из учеников недовольно фыркнул, услышав, что они должны ежедневно отмечаться в зале Шоушань*. Наставник счел его поведение неподобающим и решил наказать его тремя ударами дисциплинарной линейкой, но тот увернулся и выпалил классическую фразу, которая была актуальна во все времена: «Мой отец - ХХ, как ты смеешь меня трогать?!». В этот момент Сы Чжао-ван, появившись из ниоткуда словно призрак, тут же исключил этого человека!

Когда тот попытался возразить, Фэн Хуань прервал его:

- Место твоего отца пора занять другому человеку.

Учитывая возможности и смелость Фэн Хуаня, это была не пустая угроза. Однажды один чиновник второго ранга оскорбил Фэн Хуаня, и в конечном итоге он был отстранен от должности и сослан в родные края. Он не посмел ни пререкаться, ни драться, поскольку у Фэн Хуаня было пять тысяч личных солдат! Тот человек поспешно удалился, не сказав ни слова. Так еще до поступления Чжуан Чжун потерял соученика, чье имя он даже не успел узнать. После этого никто не смел перечить, и все покорно склонили головы, слушая правила.

- Этот ученик обязуется строго следовать правилам школы, - хором сказали все, когда наставник закончил речь.

Когда были распределены общежития, многие были ошеломлены, обнаружив, что нет одноместных комнат, и всем нужно было жить вместе с кем-то. Если бы Сы Чжао-ван не стоял рядом, они бы уже начали причитать.

Один смельчак осмелился с почтением спросить:

- Наставник, почему нет отдельных комнат? Я не могу спать, когда рядом кто-то есть.

Наставник, бросив на него взгляд, ответил:

- Даже муж и жена спят в одной кровати. Или ты из-за этого не женишься?

Тот человек замялся и пробормотал:

- Женщины отличаются от мужчин.

Сы Чжао-ван холодно хмыкнул:

- Когда выключен свет, все одинаковы.

Все сдерживали смех, и даже серьезное и строгое лицо наставника дернулось. Тот смельчак хотел уже отпустить пошлую шутку, но увидел строгий взгляд Сы Чжао-вана и не осмелился больше ничего говорить, опасаясь привлечь внимание этого странного вана.

Чжуан Чжун не был удивлен совместным проживанием. По правилам Императорской академии, только самые выдающиеся ученики из верхнего зала могли жить в одиночных комнатах, а остальные должны были делить жилье с другими. Ученики внутреннего зала занимали комнаты по три человека, а ученики внешнего зала - по четыре. Если рейтинг ученика менялся по результатам экзаменов, его могли переселить в другую комнату - это была привилегия, предоставляемая ученикам с наилучшими результатами. Для учеников государственной школы получение двухместной комнаты по прибытии уже было преимуществом, сопоставимым с привилегией обычных учеников верхнего зала.*

Наставник добавил:

- Если хотите одноместную комнату, вы можете получить ее, только если отлично сдадите государственный экзамен.

Лица тех, кто еще питал надежду, поникли. Добиться отличных результатов на государственном экзамене было не просто. Судя по всему, экзамены больше не будут такими легкими, как раньше, и потребуют настоящих знаний и способностей. Но если бы у них были настоящие знания и способности, стали ли бы они поступать в государственную школу? Они бы сразу поступили в Императорскую академию или сдали императорские экзамены. Ученики, выпускающиеся отсюда, при наличии у них некоторого ума и связей, знали, что даже с закрытыми глазами они смогут построить карьеру чиновника.

Но поскольку Сы Чжао-ван был рядом, никто не осмеливался жаловаться.

После слов наставника Сы Чжао-ван сказал:

- Хотя государственная школа объединена с Императорской академией, вы можете выбрать обучение праву, военному делу, медицине, живописи или другим дисциплинам. Если вы будете учиться прилежно, император обязательно обратит на вас внимание при назначении на должность.

На этих словах глаза всех загорелись. Хотя Сы Чжао-ван выразился расплывчато, все поняли его намек. Неудивительно, что он появился здесь. Хотя он и был назначен управлять

государственной школой, он обычно не вмешивался в ее дела, а лишь сдерживал влияние некоторых могущественных людей. Оказалось, что Сы Чжао-ван пришел, чтобы передать указ императора Цяньсина, и эти слова были своего рода обещанием.

Ни одна другая школа не пользовалась таким уважением при дворе, как Императорская академия, и карьера выпускников других школ была гораздо менее успешной, чем у выпускников Императорской академии. Но слова императора Цяньсина все изменили, заставив многих задуматься. В Императорской академии было более трех тысяч учеников, когда других школах всего две-три сотни, поэтому конкуренция там была гораздо более жесткой, чем где-либо еще.

Услышав это, Лу Балан сразу же выбрал военное дело. В Да Ю военное обучение включало не только боевые искусства, но и, что более важно, изучение военной стратегии. В любом случае, это было намного лучше, чем изучать Девять законов*. Чжуан Чжун выбрал школу права, где в основном преподавали ведение судебных дел и изучение законов и указов. Еще двое выбрали школу военного дела, один школу медицины, двое школу живописи и так далее. Оставшиеся решили продолжить обучение в Императорской академии.

В результате Чжуан Чжун и Лу Балан не смогли бы жить вместе. Хотя все школы находились в одном комплексе, у каждой была своя территория. Случилось так, что в школе права не хватило комнат, и Чжуан Чжуна поселили в ближайшем общежитии Императорской академии.

Комнаты оказались удивительно чистыми, светлыми и просторными. Хотя они были общими, кровати стояли далеко друг от друга. Каждый занимал свой угол, поэтому они практически не мешали друг другу. Это оказалось гораздо лучше, чем ожидал Чжуан Чжун, но его сосед, похоже, был не очень дружелюбен.

Еще до того, как Чжуан Чжун успел произнести хоть слово, мужчина холодно фыркнул, схватил свои книги и ушел, даже не взглянув на него. Когда он проходил мимо, чуткий слух Чжуан Чжуна уловил: «если так будет продолжаться, стране придет конец. Небеса несправедливы, и только если вы восстанете, вы сможете бросить вызов Небесам».

На лице Чжуан Чжуна отразились смущение и растерянность.* Что он сделал, чтобы вызвать такое агрессивное заявление? Это позволило ему по-настоящему осознать, насколько свободной была политическая среда Да Ю. Если бы такие слова были произнесены во времена династии Цин, это наверняка привело бы к казни девяти поколений. Однако ученики в Да Ю смели открыто критиковать высокопоставленных чиновников, таких как первый министр. Были даже случаи, когда министры, обладавшие огромной властью, были смещены и привлечены к ответственности. Ходили слухи, что попасть под пристальное внимание ученика Императорской академии было страшнее, чем стать мишенью цензора.

- Цзян Сюнь-сюн человек гордый и отстраненный, но познакомившись с ним, ты поймешь, что у него нет злых намерений, - сказал мужчина в длинном одеянии бамбукового цвета, входя в комнату. Ему было около двадцати лет, он имел выдающуюся внешность и излучал спокойствие. Его улыбка была легка, словно весенний ветерок.

Чжуан Чжун тут же поклонился.

- Я Чжуан Чжун, студент школы права. Могу я узнать ваше имя, уважаемый брат?

Мужчина ответил на поклон:

- Я Тан Байшань, ученик Императорской академии. Можем ли мы обращаться друг к другу как братья, если ты не против?

Чжуан Чжун с готовностью согласился, а затем сказал:

- Судя по словам Тан-сюна, ты хорошо знаком с моим соседом. Я здесь новичок и не хочу доставлять ему неприятности, нарушая какие-то правила.

Тан Байшань улыбнулся:

- Цзян Сюнь-сюн очень талантлив, его сочинения часто хвалят учителя. Если не произойдет ничего непредвиденного, он обязательно войдет в число лучших ученых на следующих государственных экзаменах. Цзян Сюнь-сюн спешил в библиотеку, поэтому и торопился.

Государственный экзамен проводился раз в год и был своего рода испытанием для повышения ранга. В Императорской академии в тройку лучших учеников верхнего зала входило всего три человека. Это были лучшие из лучших, которые в будущем станут уважаемыми и успешными чиновниками.

Если Цзян Сюнь действительно обладал таким талантом, его высокомерие было вполне объяснимо. Чжуан Чжун поступил через заднюю дверь, а до этого был монахом. Для самоуверенного и талантливого конфуцианского ученого жить с таким человеком в одной комнате было действительно невыносимо.

- Вот оно что. Значит, я нарушил его покой.

Тан Байшань поспешил объяснить:

- Цзян Сюнь-сюн чрезвычайно сосредоточен на своих занятиях, особенно когда он поглощен мыслями. Боюсь, он просто не обратил на тебя внимания, так что, пожалуйста, не принимай это близко к сердцу.

- Я рад, что Цзян-сюн не питает ко мне неприязни, - усмехнулся Чжуан Чжун, считая, что Тан Байшань довольно приятный человек. Такие вещи его не беспокоили. В худшем случае, в будущем они просто не будут общаться.

Тан Байшань оказался очень отзывчивым и повел Чжуан Чжуна по территории академии. Поскольку школы находились рядом, пересечение занятий было обычным делом. Тан Байшань был очень хорошо знаком со всеми школами и рассказал о них Чжуан Чжуну, чтобы он не растерялся. Чжуан Чжун был очень благодарен за это, поскольку Тан Байшань потратил на него весь день.

В Императорской академии было не так много занятий, большую часть времени занимало самообучение. Особое внимание уделялось самостоятельному мышлению и пониманию. Если возникали вопросы, их нужно было собрать и обратиться к ученому-учителю за разъяснениями. На первый взгляд это казалось легко, но на самом деле это было не так. В Императорской академии было много различных экзаменов и заданий. Если ученик не был усерден, его могли исключить. Требования были очень строгими, что резко контрастировало с прежним непринужденным подходом государственной школы.

Государственный экзамен должен был состояться через два месяца, и от него зависела будущая карьера Тан Байшаня. Несмотря на нехватку времени, он все же был готов так стараться ради незнакомца, и это очень тронуло Чжуан Чжуна.

- Тан-сюн, я очень благодарен тебе за сегодняшний день. Твой рассказ был невероятно полезен для меня, но я, должно быть, помешал тебе готовиться...

Тан Байшань улыбнулся:

- Это пустяки, не стоит благодарности.

- Может, поужинаем вместе и выпьем?

Тан Байшань, немного поколебавшись, ответил:

- Хорошо. Пусть это будет приветственным пиром для моего младшего.

Проживание и питание в Императорской академии были бесплатными, а рацион был строго определен. Те, кому не нравилась еда, могли покупать другую за свой счет. Вино тоже было, но за него нужно было платить, и оно было довольно дорогим. Ученые Да Ю любили выпить, потому что легкое опьянение помогало их мыслям обрести силу и размах.

Проходивший в этот момент мимо Цзян Сюнь с презрением произнес:

- Те, кто ищет выгоды, словно черви в гнили, жажда наживы отвратительна.

Примечания:

* Государственная академия - 國子監 (Guó zǐ jiàn) - «Академия сынов государства», главное высшее учебное заведение императорского Китая, в котором готовили людей для высших государственных постов

* Шоушань - shǒushàn (首善) - наилучший, превосходный, образцовый

* Залы, или отделения, - деление, которое относится к системе образования династии Сун. Внешний зал (外舍 wàishèshēng) - начальная ступень, новые ученики или те, кто показал посредственные результаты, внутренний зал (內舍 nèishèshēng) - средняя ступень, ученики, доказавшие свои способности, и верхнего зал (上舍 shàngshèshēng) - высшая ступень, лучшие из лучших учеников

* Девять законов - конфуцианский канон. Девятикнижие - «Книга перемен», «Книга песен», «Книга исторических преданий», «Книга этикета», «Весна и Осень», «Этикет Чжоу», «Правила этикета», «Книга почитания предков и старших», «Луньюй»

* «На лице Чжуан Чжуна отразились смущение и растерянность» - В оригинале «лицо вытянулось в «□»»

<http://bllate.org/book/14926/1326267>